

А.Н. Энгельгардт

Письма из деревни

1872-1887 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.Н. Энгельгардт**
Письма из деревни: 1872-1887 гг. / А.Н. Энгельгардт – М.: Книга по Требованию, 2024. – 394 с.

ISBN 978-5-4241-2560-7

Александр Николаевич Энгельгардт химик, писатель и общественный деятель 60 70-х годов XIX века, широкой публике известен главным образом как автор писем «Из деревни». Это и в самом деле обстоятельные письма, первое из которых было послано в 1872 году в «Отечественные записки» из родового имени Энгельгардтов деревни Багищево Дорогобужского уезда Смоленской области. А затем десять лет читатели «ОЗ» ожидали публикации очередного письма. Двенадцатое по счету письмо было напечатано уже в «Вестнике Европы» «Отечественные записки» закрыли. «Письма» в свое время были изданы книгой, читаны Лениным и Марксом, благодаря чему «Из деревни» переиздавали и после 1917 года.

ISBN 978-5-4241-2560-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© А.Н. Энгельгардт, 2024

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Описание моего зимнего дня. — Кондитер Савельич. — Объяснение кухарке Авдотье опытов Пастера. — Легко ли получать с крестьян оброки. — Скотник Петр и жена его, скотница Ховра. — “Скотная изба”. — Параллель между отставным профессором и отставным кондитером. — После обеда. — Народный календарь. “Старуха”. — Подаяние “кусочков”. — Кто их собирает. — Как “старуха” лечит скот. — Доклад старосты Ивана. Черно-желто-белый кот. — “Нытики”. — Признаки светопрествления.

Вы хотите, чтобы я писал вам о нашем деревенском житье-бытье? ¹

Исполняю, но предупреждаю, что решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о Хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет.

5 февраля я праздновал годовщину моего прибытия в деревню. Вот описание моего зимнего дня.

...Поужинав, я ложусь спать и, засыпая, мечтаю о том, что через три года у меня будет тринадцать десятин клеверу наместо облог, которые я теперь подымаю под лен. Во сне я вижу стадо пасущихся на клеверной отаве холмогорок, которые народятся от бычка, обещанного мне одним известным петербургским скотоводом. Просыпаюсь с мыслью о том, как бы прикупить сенца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свечку и стучу в стену — барин, значит, проснулся, чаю хочет. «Слышу!» — отвечает Авдотья и начинает возиться с самоваром. Пока баба ставит самовар, я лежу в постели, курю папироску и мечтаю о том, какая отличная пустошь выйдет, когда срубят проданный мною нынче лес. Помечтав, покурив, надеваю валенки и полушубок. Дом у меня плоховат: когда вытопят печи, к вечеру жарко до-нельзя, к утру холодно, из-под полу дует, из дверей дует, окна замерзли, совершенно как в крестьянской избе. Я было сначала носил немецкий костюм, но скоро убедился, что так нельзя, и начал носить валенки и полушубок. Тепло и удобно. Наконец, баба, позевывая, несет чай. Одета она, как и я, в валенки и полушубок.

— Здравствуй, Авдотья. Ну, что?

— А ничего!

— Холодно?

— Не то чтобы очень; только мятет.

— Иван ушел на скотный?

— Давно ушел: чай уж корм задали.

— Что это Лыска вчера вечером лаяла?

— А бог ё знает. Так, ничего. Волки, должно, близко подходили.

Я заказываю обед. Авдотья, жена старосты Ивана, у меня хозяйка в доме. Она готовит мне кушанье, моет белье, заведует всем хозяйством. Она же доит коров, заведует молочным скотом, бьет масло, собирает творог. Авдотья — главное лицо в моем женском персонале, и все другие бабы ей подчинены, за исключением «старухи», которая хозяйкой в застольной.

Обед заказан. Баба уходит. Я пью чай и мечтаю о том, как будет хорошо, когда нынешнюю весною вычистят низины на пустошах и облогах, через что покос ульшится и сена будет больше.

Пью чай, курю и мечтаю. Иван староста пришел; одет в валенки и полушубок.

— Здравствуй, Иван. Ну, что?

— Все слава Богу. Корм скоту задали. Корова бурая белобокая теллилась.

— А! Благополучно?

— Слава Богу. Схолилась как следует. В маленький хлевок поставили.

— Телочку теллила?

— Телочку — буренькая, белоспинная... Ничего телочка. Я достаю из стола записную книгу, записываю новорожденную телочку в список нынешних теллят «№5/72 - бурая белоспинная телочка 8/11 72 от № 10» и смотрю по календарю, когда телочке будет шесть недель, что отмечаю в книге.

— Что, хорошо съели вечернюю дачу?

— Хорошо съели, только быллье осталось. Пустошное сено, сами изволите посмотреть, роговой скот хорошо будет съедать: кроме быллья, ничего не останется, потому в нем вострецу нет.

— Что это Лыска вчера вечером лаяла?

— Так, ничего. Волки, должно, подходили.

Молчание. Говорить больше не о чем. Иван, выждав, сколько требует приличия, и видя, что говорить больше нечего, берет чайную посуду и уходит к Авдотье пить чай.

После чая я или пишу или читаю химические журналы, собственно, впрочем, для очищения совести: неловко как-то, занимавшись двадцать лет химией, вдруг бросить свою науку. Но не могу не сознаться, что очень часто, читая статью о каком-нибудь паро-хлор-метаталуйдине я задумываюсь на самом интересном месте и начинаю мечтать, как бы хорошо было, если бы удалось будущей осенью купить пудов 500 жмаков... навоз-то какой был бы!

Обутрело. Кондитер Савельич пришел печи топить. У меня печи топит кондитер, настоящий кондитер, который умеет делать настоящие конфеты. Попал этот кондитер ко мне случайно. Когда-то, лет пятьдесят или шестьдесят тому назад — за старостью, кондитер сам позабыл, сколько ему лает, — Савельич учился кондитерскому ремеслу в одной из лучших кондитерских в Москве, был кондитером в одном из московских клубов, потом был взят помещиком в деревню, где проходил различные должности: был поваром, кучером, буфетчиком, выездным лакеем, истопником, судомойкой и т. п. Жениться Савельич не успел, хозяйством и семейством не обзавелся, собственности не приобрел — у господ был всегда на застольной, — под старость оглох и по несчастному случаю потерял челюсть, которую ему вынул какой-то знаменитый хирург, вызванный из-за границы для пользования одного богатого больного .барина. Случилось как раз в это время, что Савельичу ударом какого-то механизма на круподерие, где он драл крупу, раздробило левую челюсть; сделалась рана, и раздробленно челюсть

пришлось вынуть, что и исполнил знаменитый хирург. Операция удалась. Савельич остался жив и исправно жует одною челюстью. Одиннадцать лет тому назад Савельич сделался вольным и с тех пор жил все больше около церкви. Сначала был церковным старостой, потом ходил «книжкой собирать на церковь». Последние же два года Савельич жил как птица небесная, со дня на день, перебиваясь кое-как. Летом и осенью нанимался за мужиков караулить церковь, за что очередной двор давал ему харчи и платил по 5 копеек за ночь, варил иногда купцам в городе варенье, за что ему тоже перепали кое-какие деньжонки. Зимой же — самое трудное для Савельича время — жил на капитал, заработанный летом. Квартировал на своих харчах у какого-нибудь знакомого мужика и за квартиру помогал мужику в домашних работах — за водой ходит, дров нарубит, люльку качает — старик во дворе никогда не лишней; кормился же своим кондитерским ремеслом: купит на заработанные летом деньжонки несколько фунтов сахару, наделает леденцов и носит по деревням (разумеется, без торгового свидетельства). Даст старухе конфету для внучат — она его накормит. Разумеется, плохо ел всегда, голодал иногда, но милостыни, говорит, не просил. Ко мне Савельич попал таким образом: захожу как-то в прошедшем году Великим постом в избу, где живут работники и работницы, вижу, сидит в одной рубашке высокий, худой, истощенный от плохого харча, лысый старик и трет в деревянной ступе табак. «Кто это?» — спрашиваю. — «А старик, — говорит староста, — по знакомству зашел; я ему табак дал стереть — пообедает за это с нами». Под вечер, отдавая отчет по хозяйству, староста заговорил о старике, рассказал, что старик бывший дворовый, что он кондитер, при господах жывал, господские порядки знает, и попросил позволения пригласить старика к светлому празднику разговеться, «а он за это может Авдотья к празднику стол готовить», прибавил староста. Я, разумеется, позволил. Авдотья была в восторге, что старик придет к празднику и поможет ей все приготовить хорменно (форменно), как у господ бывает. Чтобы все было хорменно, как у господ, — это конек Авдотьи.

Поселившись в деревне, я решил не заводить ни кучеров, ни поваров, ни лакеев, то есть всего, что составляет принадлежность помещичьих домов, что было одною из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после «Положения» повести свою жизнь иначе, чем прежде, что было одною из причин, почему помещики побросали хозяйства и убежали на службу. Поселившись в деревне, я повел жизнь на новый лад.

В имении я нашел старосту; у старосты, разумеется, оказалась баба, которая вела его хозяйство, готовила ему кушанье, мыла белье. Я переместил старосту с бабой из избы в дом и сделал Авдотью моею хозяйкой, кухаркой, прачкой. По хозяйству — молочное дело, выпойка телят и пр. — учить ее мне было нечему: я сам у нее учусь и должен сознаться, что от нее научился гораздо большему, чем по книгам, где говорится, что «у молочной коровы голова бывает легкая, с тонкими рогами, ноги тонкие, хвост длинный и тонкий, кожа и волосы мягкие и нежные, вообще же весь вид женственный и пр.»; ²но по части кухни я ей несколько помог. При помощи моей (недаром же я химик: все-таки и в поваренном деле могу понять суть) Авдотья, обладающая необыкновенными кулинарными способностями и старанием, а также присущими каждой бабе знаниями, как следует печь хлеб, делать щи и пироги, стала отлично готовить мне кушанье и разные запасы на зиму — пикули, маринованные грибки, наливки, консервы

из рыбы и раков, варенье, сливочные сыры. Я ей объяснил, что при приготовлении сиропа из ягод, главное — варить до такой степени, чтобы, под влиянием кислоты, кристаллический сахар перешел в виноградный и сироп сгустился настолько, чтобы брожение не могло происходить; что гниения в консервах, плесени в пикулях и пр., как показал Пастер, не будет, если из воздуха не попадут зародыши низших организмов; объяснил действие высокой температуры на зародыши, белковину и т. п. Все это Авдотья прекрасно поняла. Все идет у нас отлично: и масло выдělываем превосходное, и бархатный сливочный сыр делаем такой, что Эрберу не грех было бы подать своим посетителям, и раков маринуем, и ветчину солим, и гусей коптим, и колбасы чиним, и рябчиков жарим не хуже, чем у Дюссо. В одном только мы с Прохоровной не сходимся: я забочусь только о вкусе, а она, кроме того, и о том, чтобы все было форменно, как у господ бывает, чтобы нас не осудили. Кондитер, который жила при господах, был для нее истинною находкой, и она с волнением ожидала, разрешу ли я пригласить кондитера к светлому празднику: праздник большой, попы приедут, а у нас не форменно будет.

Кондитер пришел за три дня до праздника. Зарезали барана; я съездил на станцию и купил крупчатки, сандалу, изюму, миндалю, — началась стряпня; кондитер вырезал из разноцветной бумаги украшения для кулича и бараньего окорока; я, вместе с одним из друзей-химиков, приехавшим из-Петербурга ко мне в гости на праздник, сделали из розовой чайной бумаги цветок-розан, надушили его превосходными духами и воткнули в кулич. Все вышло отлично — и кулич, и пасха, и поросенок, и баранина, а главное, все было форменно, и перед попами мы не ударили лицом в грязь. Авдотья была на вершине блаженства и ходила с сияющим лицом, наряженная в яркий сарафан. Кондитер только сплеховал — взялся он сделать какой-то сладкий английский торт, но торт не вышел, то есть вышел очень плох. Заметив на другой день, что все было съедено, за исключением английского торта, кондитер так сконфузился, что, не говоря ни слова, куда-то скрылся.

Летом кондитер жил где-то при церкви, недалеко, верстах в десяти от меня. Я про него забыл совершенно. Только в августе, когда понадобился сторож для озимей, картофеля и гороха, я вспомнил про кондитера. Дай, думаю, возьму его к себе на зиму — не объест ведь, а все что-нибудь в дом сделает. С августа кондитер поселился у меня и оказался очень полезным человеком: осенью горох и картофель караулил, лошадей чужих с озими выгонял, конечно, ни одной лошади в потраве не поймал (стар, от худых харчей с тела спал и силу потерял), но все-таки полевой сторож, — мужики опаску имеют и лошадей так зря не пускают, а если зайдет какая по нечаянности, старик выгонит. Осенью дом конопатил, двойные рамы вставлял. Теперь печи топят, Авдотье помогает, комнаты убирает, кошек школит, если провинятся, платье чистит, посуду моет, а иногда конфеты делает.

Кондитер затопил печи. Авдотья из-под коров пришла. Хлебы в печь сажает. Стряпать собирается. Пришел Иван.

— Что?

— Надумался за Днепр сегодня съездить. Сена не удастся ли дешево купить. Говорят, с выкупными сильно нажимают. Становой в волости был. Теперь, по нужде, сено, может, кто продаст, а то как заплатят недоимки — не купишь, пото-

му нынче и у крестьян корму везде умаление.

— Какие же теперь выкупные?

— Да это все осенние, пеньковое выбивают. Пеньку продали да не расплатились. Пеньки нынче плохи. Хлеба нет. Другой пеньку продал, а подати и выкупные не уплатил, потому что хлеба купил. Вот Федот куль-то брал — заплатил из того, что за пеньку выручил, а выкупные не внес. Теперь и нажимают.

— Ну, поезжай, покупай сено. Да в волость не заедешь ли? Что же наши оброки?

— Недавно был. Волостной обещал. Вот, говорит, казенные выберу, — за ваши примусь. У Марченка сам был.

— Ну, что ж?

— Да, что ж, ничего. Я ему говорю; что ж ты, — пеньку продал, а недоимку не несешь?

— Ну?

— Денег, говорит, нету. За пеньку двадцать рублей взял, пять осьмин хлеба купил — и хлеб показал. Сам, говорит, знаешь, что у меня шестеро детей; — ведь их кормить нужно. Это ведь, говорит, не скотина, не зарежешь да не съешь, коли корму нет. Что хочешь делай, а корми.

— А другие что?

— Другие известно что говорят: коли платить, так всем платить поровну, что следует. Коли милость барин сделает с Марченка подождать, так за что же мы будем раньше его платить. У Марченка еще бычок есть — пусть продаст. Пороть его нужно. Народил детей — умей кормить.

— Хорошо. Ну, поезжай с Богом. Хлопочи насчет сена.

Получение оброков дело очень трудное. Кажется, оброк — верный доход, все равно, что жалование, но это только кажется в Петербурге. Там, в Петербурге, худо ли, хорошо, — отслужил месяц и ступай к казначею, получай, что следует. Откуда эти деньги, как они попали к казначею — вы этого не знаете и спокойно кладете их в карман, тем более, что вы думаете, что их заслужили, заработали. Тут же не то; извольте получить оброк с человека, который ест пушной хлеб, который кусок чистого ржаного хлеба несет в гостинец детям... Прибавьте еще к этому, что вы не можете обольщать себя тем, что заслужили, заработали эти деньги...

Конечно, получить оброк можно, — стоит только настоятельно требовать; но ведь каждый человек — человек, и, как вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, как рыдает баба, прощаясь с своей коровой, которую ведут на аукцион... Махнете рукой и скажете: подожду. Раз, другой, а потом и убежите куда-нибудь на службу; издали требовать оброк легче: напишете посреднику, скот продадут, раздирательных сцен вы не увидите...

Староста ушел. Я иду на скотный двор. Скот уже напоили и начинают закладывать вторую дачу корма. Я захожу в каждый хлев, смотрю, чисто ли съедена утренняя задача. Вторую задачу дают при мне. Я смотрю, как скот ест, не отбивают ли одни коровы других, не следует ли которую поставить в отдельный хлевок для поправки. Захожу в телятник, в овчарню, в скотную избу, где, кроме скотника, скотницы (его жены) и их семерых детей, помещаются еще новорожденные телята и ягнята.

Кроме старосты, у меня есть еще скотник Петр с женой Ховрой и детьми. У

скотника семеро детей: Варнай — 14 лет, Акси́нья — 11 лет, Андрей — 10 лет, Прохор — 8 лет, Солошка — 6 лет, Павлик — 4 лет, Ховра — еще нет году. Все это семейство, до Солошки включительно, работает безустанно с утра до ночи, чтобы только прокормиться. Сам скотник Петр летом, с 1-го мая по 1-е октября, пасет скот, зимой «ж, с 1-го октября по 1-е мая, кормит и поит скот. В этой работе ему помогают два старших сына — Варнай (14 лет) и Андрей (10 лет). Летом скотник, встав на заре до солнечного восхода, выгоняет скот в поле и при Помощи двух старших ребят (скота нынче будет 100 штук) пасет его (младший, Андрей, обыкновенно носит ружье против волков). В 11 часов он пригоняет скот на двор, где скот стоит до 3-х часов. В 4-м часу он опять гонит скот в поле и возвращается домой на ночь. И так изо дня в день, в течение целого лета, и в будни, и в праздники, и в зной, и в дождь, и в холод. Для скотника нет праздника ни летом, ни зимой; праздник отличается у него от будничных дней только тем, что в праздничные и воскресные дни он получает порцию (1/100 ведра) водки перед обедом. Зимой скотник, опять-таки при помощи двух старших ребят, кормит и поит скот: встав до свету, он задает первую дачу корма; когда обутреет, бабы доят скот, после чего скотник поит скот, гоняя на водопой каждый хлев особенно. После водопоя он задает вторую дачу корма, обедает и отдыхает. Под вечер вторично поит скот и задает третью дачу корма на ночь. Ночью зимой скотник не имеет настоящего покоя, потому что, несмотря ни на мороз, ни на вьюгу, он в течение ночи должен несколько раз сходить в хлевы и посмотреть скот, а когда коровы начнут телиться (декабрь, январь, февраль), он должен постоянно следить за ним и всегда быть начеку, потому что его дело принять теленка и принести его в теплую избу. Старшие ребята помогают скотнику раздавать корм, и даже десятилетний Андрей работает настоящим образом, по мере своих сил: запрягает лошадь, помогает брату накладывать сено на воз, — сам скотник Петр в это время косит корм мелкому скоту, потому что для мелкого скота сено нужно выбирать, и в этом на ребят положиться нельзя, — водит лошадь и в хлевах разносит корм и закладывает его в ящики. Разумеется, Андрей, по мере сил, забирает маленькие охачки сена; но посмотрели бы вы, как он бойко ходит между коровами, как покрикивает на быка — и бык его боится, потому что у Андрея в руках кнут. Детом Андрей носит за отцом ружье, но при случае и сам выстрелит. Раз, летом, я был в поле недалеко от стада, которое рассыпалось между кустами. Вдруг слышу выстрел. Бегу на выстрел и вижу Андрей (ему тогда только что десятый год пошел) держит в руках дымящееся ружье. «В кого ты стрелял?» — «В волка». — «Где?» — «Да вот за ровном; выскочил из моложи по ту сторону ровна, остановился на бичажку, стоит и смотрит на меня, лохматый такой, я и выстрелил». — «Как же ты стрелял?», — ружье у скотника тяжелое, длинное, одноствольное, еще с 12-го года, французское, солдатское. — «На сучок положил да и выстрелил. Что ж? Так и подрал; да вон по полю дует». Действительно, смотрю, волк несется по паровому полю.

Жена скотника, скотница Ховра, доит коров с Авдотьей и подойщи-цами, поит телят, кормит ягнят, готовит кушанье для своего многочисленного семейства — одного хлеба сколько нужно испечь, — обмывает и обшивает детей. В этих работах ей помогает старшая дочь, Аксюта (12 лет), и младшая, Солошка (6 лет), специальная обязанность которой состоит в уходе за маленькой Ховрой, которую она качает в люльке, таскает по двору, забавляет и нянчит. Прохор (8 лет) тоже

помогает по хозяйству: он рубит дрова, и так как силенки у него мало, то он целый день возится, чтобы нарубить столько дров, сколько нужно для отопления одной печки. Только Павлик и маленькая Ховра ничего не делают.

За все это скотник получает в год 60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мер ржи, 2 куля овса, 1 ? куля ячменя, держит на моем корму корову и овцу, имеет маленький огород, который должен обработать сам; получает место для посева одной мерки льна и одной осьмины картофеля, получает 2 порции водки — на себя и на жену — по воскресеньям и праздникам, получает творогу, молока снятого, сколотин, сколько будет моей милости дать (этого нет в договоре). Так как скотнику на его семейство нужно не менее 11 кулей ржи в год, то ему следует Прикупить еще 4 куля 2 мерки ржи, что составляет по нынешним ценам 34 рубля. Таким образом, за расходом на хлеб, у него из 60 рублей жалования остается всего 26 рублей, из коих он уплачивает за двор 20 рублей оброку (прежде, когда у него было меньше детей, он платил 40 рублей), а 6 рублей в год остается на покупку соли, постного масла, одежду.

Немного, как видите. Недорого оплачивается такой тяжелый труд, как труд скотника со всем его семейством. Из этого примера вы видите, что в нашей местности положение крестьян, получивших по 4 1/2 десятины надела, вовсе не блестящее, потому что будь какая-нибудь возможность Петру жить на своем яделе, он, разумеется, не попал бы за такую плату в должность скотника, где ему нет покоя ни днем, ни ночью. С другой стороны, положение скотоводства у помещиков незавидное, и при теперешнем его состоянии нельзя дать большую плату скотнику, так как и при такой ничтожной плате за труд скот в убыток. То же самое можно сказать и относительно других отраслей хозяйства. Помещичье хозяйство в настоящее время ведется так плохо, даже хуже, с меньшим толком и пониманием дела, чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева, — что оно только потому еще кое-как и держится, что цены на труд баснословно низки. Кажется, немного получает мой скотник, а и то ему завидуют, и, откажи я ему, сейчас же найдется пятьдесят охотников занять его место.

Я всегда с удовольствием бываю в скотной избе. Мне ужасно нравится этот «детский сад», где все дети постоянно заняты, веселы, никогда не скучают, не капризничают, хотя в «саду» нет никакой «Grtnerin»³, которая выбивалась бы из сил, чтобы занять детей бесполезными работами и скучными сантиментальными песенками, как в петербургских детских садах, где на немецкий лад дрессируют будущих граждан земли русской.

Осмотрев все на скотном дворе, потолковав со скотником, скотницей, полюбовавшись ребятами, телятами, ягнятами, — вы не можете себе представить, как мил маленький Павлик, когда он играет на полу с ягнятами, —я возвращаюсь в дом. Авдотья, вся раскрасневшись, взволнованная, в забвении чувств, отчасти даже сердитая, хлопочет около плиты, на которой все кипит и клокочет.

— Обедать буду подавать: готово.

— Подавай.

Авдотья накрывает стол и подает обед. Подав кушанье, она стоит и в волнении ждет, что я скажу — хорошо ли. В особенности волнуется она, если подает новое какое-нибудь кушанье: в эти минуты она находится в таком же возбужденном состоянии, как ученик на экзамене, как химик, который делает сожжение какого-нибудь вновь открытого тела. Она стоит и смотрит на меня: что будет. Обычно-

венно всегда бывает все очень хорошо. Авдотья на верху блаженства. Если же случится, что у меня гости, то мне даже жалко становится Авдотьи: она волнуется до такой степени, что у нее от расстройства нерв делается головная боль.

Вся жизнь Авдотьи заключается в хозяйстве, которым она заведует. Принимая все, начиная от неудавшегося масла и кончая худо вымытым чулком, к сердцу, она вечно волнуется, страдает и радуется. Скупа она до невозможности и бережет мое добро, как свое собственное. Честна безукоризненно. Откровенна, прямодушна, никогда не жлет, горда, самолюбива и вспыльчива до невероятности; она всегда была вольною, и у нее нет тех недостатков, которыми отличаются бывшие крепостные: никакого раболепства, подобострастия, фальши, забитости, страха, приниженности. В конце обеда иногда является сюрприз — это кондитер сделал что-нибудь сладкое, «на закуску», как говорит Авдотья. С кондитером у нас в некотором роде дружба; нас сближает, как мне кажется, сходство положений, что мы оба втайне чувствуем, хотя никогда друг другу не высказывались. Весь мой хозяйственный персонал — староста, скотник, лесничий, работник, хозяйка, скотница, старуха, подошницы — из мужиков; один только кондитер Савельич из дворовых, из старинных дворовых, из природных дворовских, как говорит Авдотья. Вследствие этого Савельич, точно так же как и я, барин, пользуется особенным уважением, оказываемым «белой кости». Савельичу, точно так же как и мне, даже староста говорит «вы». Савельич сознает свою родовитость, свое превосходство по происхождению и держит себя соответственно: серьезно, строго, особняком, потому что «коли ты архиерей, то и будь архиереем». Вот, значит, первая точка сближения. Савельич человек бывалый, много жил, много видел, всего испытал, жывал при господах разных, у генерала служил, бывал и в Москве, и в Питере, царя видел. Я, барин, тоже человек бывалый, много жил, много видел, бывал в положениях разных, а главное, когда-то был военным, что особенно уважается народом: «был военным, значит, видал виды, много попробовал, всего натерпелся — и холоду, и голоду, может, и пороли в корпусе». Это вторая точка сближения. Савельич убежден, что только он, человек бывалый, при господах служивший, понимает господское обхождение, что только он знает, что и как мне нужно. Савельич убежден, что если я разговариваю с другими, если я доволен услугами мужиков, составляющих мой хозяйственный и вместе с тем придворный штат, то только по снисходительности, вследствие моей простоты. Должен сознаться, я сам чувствую к Савельичу особенное расположение и именно вследствие сходства наших положений, сходства, Савельичу неизвестного. Я — отставной профессор; он — отставной кондитер. Вместо того, чтобы читать лекции, возиться с фенолами, крезолами, бензолами, руководить в лаборатории практикантами, я продаю и покупаю быков, дрова, лен, хлеб, вожусь с телятами и поросятами, учу Авдотью делать пикули, солить огурцы, чинить колбасы. Он, Савельич, вместо того, чтобы делать конфеты, пирожки, безе, зефиры, караулит горох, гоняет лошадей из зелени, топит печи. Масса специальных знаний, приобретенных многолетним трудом, остается без приложения как у меня, так и у него. И он, и я многое забываем, отстаем. Разница только в том, что я еще недавно бросил свою специальность и потому не все забыл, мог бы, пожалуй, еще возвратиться к старым занятиям, хотя уже чувствую, что отстаю, годика через два, думаю, все позабуду, совсем отстану, а главное, не буду в состоянии взяться за старое дело с необходимою энергией. Он же, Савельич, давно уже

бросил свое кондитерское ремесло, почти все позабыл и отстал совершенно, так что нынешний молодой кондитер стал бы смеяться над его произведениями.

После обеда я курю сигару, пью пунш и мечтаю... С января, когда солнце начинает светить по-весеннему и пригревает, после обеда я выхожу, в ясные дни, греться на солнышке. Сидишь на крыльчке на солнечной стороне и греешься. Морозец легонький, градусов в 8—10; тихо. Солнце светит ярко и пригревает. Хорошо. Нужно прожить в деревне одному октябрь, ноябрь, декабрь, эти ужасные месяцы, когда целый день темно, никогда не видно солнца на небе, а если и проглянет, то тусклое, холодное, когда то мороз, то оттепель, то дождь, то снег, то так моросит, когда нет проезду, грязь или гряда, гололедица или ростопель, чтобы научиться ценить хороший санный путь в декабре и первый луч солнца в январе. Вы в Петербурге и понятия об этом не имеете. Вам все равно, что ноябрь, что январь, что апрель. Самые тяжелые для нас месяцы — октябрь, ноябрь, декабрь, январь — для вас, петербуржцев, суть месяцы самой кипучей деятельности, самых усиленных удовольствий и развлечений. Вы встаете в одиннадцатом часу, пьете чай, одеваетесь, к двум часам отправляетесь в какой-нибудь департамент, комиссию, комитет, работаете часов до пяти, обедаете в шесть, а там — театр, вечер, вечернее заседание в какой-нибудь комиссии — время летит незаметно. А здесь, что вы будете делать целый вечер, если вы помещик, сидящий одиночкой в вашем хуторе, — крестьяне, другое дело, они живут обществами, — читать? Но что же читать?

С января уже весной потягивает. На Васильев вечер день прибавляется на куриный шаг, как говорит народ. В конце же января дня уже сильно прибавилось, и хотя морозы стоят крепкие, но солнце греет. В феврале — недаром он зовется бокогрей — после того, как зима с весной встретилась на Сретение, в хорошие ясные дни солнце греет так сильно, что с крыш начинает капать. С каждым днем все ближе и ближе к весне. Март — уже весенний месяц. С Алдакей (1-го марта — Евдокия) начинается весна и пойдут весенние дни: Герасим-«грачевник» (4-го марта), грачи прилетят; грач — первый вестник весны, дорогая, долго ожидаемая птица. Сороки (9-го марта) ⁴, день с ночью меряется, жаворонки прилетят, весну принесут. Алексеи «с гор вода» (17-го марта), ручейки потекут — снег погонит, ростопель начнется, на солнце греет так, что хоть полушубок снимай, а к ночи подмораживает. Дарья «обгадь проруби» (19-го марта), около прорубей, где поят зимой скот, так обтает, что делается виден навоз, который скот зимой оставлял во время водопоя. Благовещение (25-го марта) — весна зиму поборол. Федул (5-го апреля) — теплый ветер подул. Ро-дивон (8-го апреля) — ледолом. Василий Парийский (12-го апреля) — землю парит. Ирина «урви берега» (16-го апреля), Егорий теплый (23-го апреля) — уж со дня на день ждем лета. Но мы, посидев без свету три месяца, уже в феврале чувствуем приближение весны и оживаем. Чуть только ясный солнечный день, все оживает и стремится воспользоваться живительным солнечным лучом. В полдень, когда на угреве начинает капать с крыш, куры, утки и вся живность высыплет на двор — греться на солнце; воробьи тут же шмыгают между крупною птицей и весело чили-кают; корова, выпущенная на водопой, остановится на солнце, зажмурится и греется. В хлеве все телится толкутся против окошка, обращенного на солнечную сторону. Быки, чувствуя приближение весны, режут, сердятся, роют навоз ногами. Сидишь себе на крыльчке в полушубке, подставив лицо теплым солнечным лучам, ку-

ришь, мечтаешь. Хорошо.

Погревшись на солнце, я второй раз отправляюсь по хозяйству и прежде всего захожу к «старухе». «Старуха» — старая баба лет семидесяти с хвостиком — она помнит разоренье и любит рассказывать, как бабы ухватками кололи француза, что не мешает ей, однако, относиться к французам дружелюбно, потому что, говорит она, французы народ добрый, — но еще здоровая, бодрая, энергичная, деятельная. «Старуха» хозяйка в застойной, где обедают все люди, за исключением скотника, который с семейством ведет свое хозяйство. Старуха печет хлебы и готовит кушанье для застойной, смотрит за свиньями, утками и курами, которые все состоят под ее командой, ухаживает за большим скотом, и каждая заболевшая на скотном дворе скотина передается на попечение старухи, в ведении которой состоят хлевы, построенные подле застойной избы. Старуха же, как хозяйка в застойной, подает «кусочки».

У меня нет правильно организованной раздачи печеного хлеба нищим с веса, как это делается, или, лучше сказать, делалось, в некоторых господских домах. У меня просто в застойной старуха подает «кусочки», подобно тому, как подают кусочки в каждом крестьянском дворе, где есть хлеб, — пока у крестьянина есть свой или покупной хлеб, он, до последней ковриги, подает кусочки. Я ничего не приказывал, ничего не знал об этих кусочках. Старуха сама решила, что «нам» следует подавать кусочки, и подает.

В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки» побираться по миру. В нынешнем же году у нас полнейший неурожай на все: рожь уродилась плохо и переполнена была метлой, костером, сивцом; яровое совсем пропало, так что большею частью только семена вернули; корму — вследствие неурожая яровой соломой и плохого урожая трав от бездождия — мало, а это самое трудное для крестьян, потому что при недостатке хлеба самому в миру можно еще прокормиться кое-как кусочками, а лошадь в мир побираться не пошлешь. Плохо, — так плохо, что хуже быть не может. Дети еще до Кузьмы-Демьяна (1-го ноября) пошли в кусочки. Холодный Егорий (26-го ноября) в нынешнем году был голодный — два Егорья в году: холодный (26-го ноября) и голодный (23-го апреля). Крестьяне далеко до зимнего Николы приели хлеб и начали покупать; первый куль хлеба крестьянину я продал в октябре, а мужик, ведь известно, покупает хлеб только тогда, когда замесили последний пуд домашней муки. В конце декабря ежедневно пар до тридцати проходило побирающихся кусочками: идут и едут, дети, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи. Голод не свой брат: как не поеси, так и святых продаси. Совестно молодому парню или девке, а делать нечего, — надевает суму и идет в мир побираться. В нынешнем году пошли в кусочки не только дети, бабы, старики, старухи, молодые парни и девки, но и многие хозяева. Есть нечего дома, — понимаете ли вы это? Сегодня съели последнюю ковригу, от которой вчера подавали кусочки побирающимся, съели и пошли в мир. Хлеба нет, работы нет, каждый и рад бы работать, просто из-за хлеба работать, рад бы, да нет работы. Понимаете — нет работы. (А члены петербургского собрания сельских хозяев говорят, что «самое большое место в хозяйстве настоящего времени составляет бесспорно дороговизна рабочих рук »²) «Побирающийся кусочками» и «нищий» — это два совершенно разных типа